

Виктор Королев

Баллада
о непобеждённом

Виктор Владимирович Королев

Баллада о непобеждённом

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64105016

Баллада о непобеждённом: Союз писателей; Новокузнецк; 2018

ISBN 978-5-00073-902-0

Аннотация

Эта книга – о доблести, беспримерном героизме и силе воли русского человека. Он будет защищать свой дом и родную землю до последней капли крови. Он будет делать это, как обычную работу. По-другому он не умеет. И именно поэтому его невозможно победить. Вечная слава русскому солдату! Низкий поклон всем защитникам Отечества!

Содержание

Баллада о непобеждённом	5
Еликанида и Анна	18
Глава 1. Страшный сон	18
Глава 2. Смена караула	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Виктор Королев

Баллада о непобеждённом

© Королев В. В., 2018

© Издательство «Союз писателей», оформление, 2018

Баллада о непобеждённом

Первый бой дивизия приняла у Брестской крепости. Ровно в четыре утра. И до полудня 23-го июня не давала немцам окружить цитадель. В этой страшной неразберихе и непрекращающейся стрельбе со всех сторон 6-я стрелковая потеряла почти половину личного состава. Многих красноармейцев укрыли крепостные казематы, и они навсегда остались там – убитые, но непобеждённые.

По белорусской земле 6-я Краснознамённая дивизия шла тяжело. Несколько раз её пытались взять в клещи быстрые танки Гудериана, но остаткам полков чудом удавалось выскочить из окружения. Сданы Бобруйск, Рогачёв, Пинск... Красная армия отступала на восток. Это нельзя назвать бегством: ожесточённые бои не прекращались ни на час. Арьергардные заслоны дивизии стояли насмерть, давая возможность разрозненным подразделениям оторваться от наседавшей немецкой армады. Но силы были слишком не равны.

К пятому июля в составе головного отряда оставалось неполных четыре сотни человек – меньше батальона. Наступил день, когда 6-я Краснознамённая стрелковая дивизия, рождённая ещё в 1918 году и чуть позже получившая имя «Орловская», могла просто исчезнуть вместе со штабом и знаменем, вся до последнего солдата погибнув в яростной схватке с врагом.

Наверное, так и случилось бы. В июле 41-го без вести пропадали не только тысячи людей – бесследно исчезали полки, дивизии и даже армии. Помогла орловцам передышка у небольшого белорусского городка Чериков, что в тридцати километрах от железнодорожного узла Кричев. Здесь штаб догнал отряд под командованием заместителя командира дивизии Остащенко. Местные добровольцы пополнили стрелковые роты. А в городке обнаружился брошенный склад боеприпасов, ездовые обновили лошадей, и пушкари стали глядеть веселее. Наладили связь. Красноармейцы начали копать окопы, готовясь к обороне. Полковник лично ходил, проверял:

– Глубже! В рост копайте! Когда танки пойдут, только полный профиль спасёт! Даже если он прошуршит гусеницами над тобой, встал – и кидай гранату ему в зад!

Бойцы улыбались. С шутками легче жить и воевать. А тут и кухня подоспела. Но горячий кулеш пришлось доедать на ходу: из штаба фронта был получен приказ оседлать Варшавское шоссе и там задержать танки противника. До особого распоряжения. Любой ценой.

Понятно, что любой: отсюда до Москвы меньше пятисот километров, один день пути для среднего танка. Это если без остановок. Потому и такой приказ – остановить во что бы то ни стало.

Шли всю ночь. Как рассвело, увидели, что лучшего места не найти. Сзади осталась небольшая речушка с хоро-

шим названием Добрость и болотистыми берегами, справа – холм с наполовину зажелтевшей пшеницей, слева и впереди – небольшие деревушки. Дорога идёт по мосту через тихую ту речку, потом вверх на холм и дальше напрямиком на столицу, золотую нашу Москву. Её-то и приказано оборонять.

* * *

Командир противотанковой батареи собрал всех пушкарей в палисаднике крайней избы. Кратко изложил ситуацию: – На орудийный расчёт осталось по три человека. Придётся работать за двоих. На каждую 76-миллиметровую полковую пушку – по тридцать два выстрела, итого снарядов – девятнадцать ящиков. Плюс десять винтовок по три обоймы на каждую. Четыре лошади. Кухня одна на полк. Боевой приказ – остановить немцев на шоссе, задержать до особого распоряжения. Вопросы есть?

Потом они выбирали позиции для каждого расчёта. Старшему сержанту Николаю Сиротину досталось место на середине холма, в ста метрах ниже крайней избы. Собственно, он не был командиром расчёта. Он был наводчиком. Но командира убило ещё под Бобруйском, а тех двоих, что числились сейчас при родной «полковушке», он практически не знал. Оба не орловские, новенькие. Люди быстро появляются и быстро исчезают, независимо от того, в наступлении

полк или в обороне. Война – это сплошной отдел кадров с бесконечной убылью личного состава.

– Николай! – командир батареи позвал старшего сержанта. Он вообще выделял Сиротинина особо, хотя тот был щуплым, невысоким, скромным, немногословным. Наверное, уважал как хорошего наводчика, одного из лучших в полку.

– Николай! Давай-ка переговори с местными крестьянками. Пусть покажут, какой сарай можно разобрать. Надо бы блиндаж соорудить да хотя бы в один накат брёвнами накрыть. Немцы начнут обстреливать из танков – там можно будет от осколков укрыться.

Николай пошёл в ближнюю деревню Сокольничи. На холме оглянулся разок: хороша позиция! Мост как на ладони, а орудие укрыто деревцами и кустиками, в десяти метрах ничего не видно.

В крайний дом не стал заходить. Постучал в следующий.

– Каго там бог нясе?

Ответил по-белорусски:

– Свае, маці, свае!

– Так заходзь, раз свае, не зачынено!

Прошёл в хату. Земляной пол, печь справа. Напротив – небольшое окно. Посредине стол, скамья. Хозяйка стоит у стола, скрестив руки на груди. Немолодая, пёстрый передник, синей косынкой голова покрыта.

Дальше порога не пошёл. Ещё раз поздоровался. Знать,

именно этого и ждала хозяйка, повела рукой:

– Сядай, салдачик!

Сел за стол. Начал рассказывать свою просьбу. Хозяйка слушала молча, потом поставила перед ним крынку молока:

– Зараз пакажу хлеу, а ты пакуль малака папи, салдачик!

Потом села напротив.

– И мой сынок на фронце ваюе. Цябе як зваць-та?

Назвался:

– Николай Сиротинин.

– Сирата? Без бацьки и без маці?

– Родители есть, это просто фамилия такая. Мы из Орла.

Мне уже двадцать лет исполнилось...

Она помолчала, вздохнула тяжело:

– Усё отступаете. А хто ж перамагаць будзе?

Николаю стало почему-то неуютно в этом доме. Как-то стыдно, что ли. Ответил как можно твёрже:

– А мы и будем побеждать. Потому что мы сильнее! Нас не победить!

Встал из-за стола. Хозяйка ещё сидела, и оба смотрели друг на друга глаза в глаза – такой он был маленький. Но не было в её взгляде насмешки – одна только грусть да ещё материнская жалость. Потом она показала, какой сарай можно разобрать, дала лом и лопаты. Напоследок протянула узелок с варёной картохой – Николай не взял, отказался.

Копали долго. Брёвна скатили под горку, уложили. Траншею к боевой позиции провели в полный рост. Для снаряж-

ных ящичков ниши обозначили. Всё по уму, для себя делали. Без перекуров. Потом сидели на станине, обливаясь потом в мокрых нательных рубахах. Молчали, словно на кладбище. Пахло свежевырытой землёй и слабо – душицей. Пить хотелось невыносимо.

Ближе к вечеру крестьянка из Сокольничей появилась на позиции, он сразу узнал её по синей косынке. Постояла минуту, сказала (словно даже не ему):

– Дзёран-то акуратней рэжце, зверху на дах пакладзеце, не будзе видаць!

И ушла, оставив узелок с едой.

Подошёл командир батареи, сказал, как будто всё слышал:

– Дёрном крышу покроете, совсем не видно будет! Молодцы! Как раз к ужину управились!

Кухня что-то запаздывала, так что узелок той крестьянки оказался очень кстати. Молоко Николай отдал бойцам:

– Я у хозяйки уже пил, это вам!

Один из красноармейцев сказал благодарно:

– Спасибо, товарищ старший сержант! Я последний раз молоко пил до армии, уж и не помню, сколько месяцев назад...

«Хорошо хоть, что не вчера призван, – подумал Николай. – Больше шансов остаться в живых. Война – это тоже наука. Научишься побеждать – никакой враг тебе не страшен...»

Тут его снова позвали к командиру. На этот раз к коман-

диру полка. Там уже было полно офицеров и таких же, как он, сержантов. Докладывал заместитель командира дивизии:

– Получен приказ из штаба фронта: дивизия передаётся для усиления воздушно-десантного корпуса и направляется в район Мстиславля и Кричева. Быть в готовности к выступлению к ноль-трём часам сегодня ночью. Оставить арьергардный артиллерийский заслон. Исключительно из добровольцев. Исполнять!

Сиротинин вышел из хаты вместе с командиром батареи.

– Товарищ командир! Я готов добровольно остаться в арьергарде!

– Николай, а мне с кем воевать дальше прикажешь? – изумился комбат. – И сколько расчётов ты с собой попросишь?

– Нисколько. Один справлюсь.

– Со своей пушкой?

– Так точно. Только снарядов оставьте побольше!

Они шли под гору в начинающейся темноте. Командир батареи молчал. Потом сказал:

– Будь по-твоему, Сиротинин. Знаешь, на что идёшь. Горжусь тобой!

Они расстались, пожав друг другу руки.

Через час на телеге пожилой красноармеец привёз десять ящиков снарядов. Вчетвером разгрузили их: три положили у щитка, два поставили в ниши у станины, пять занесли в новенький блиндаж. Обрато на телегу забрались трое: бойцы из расчёта уже знали, что их сержант остаётся добровольно.

Расставанье было скорым, особых чувств и эмоций никто не выказал. Война — это вам не сонеты, не баллады какие-нибудь.

Война — это... война.

* * *

Ещё часа два было слышно какое-то движение. Дивизия (точнее, всё, что от неё осталось, — тысячи полторы боевых штыков) растянулась по шоссе и форсированным маршем двинулась на восток. Ещё ржали вдалеке лошади, звякали котелки и звучали резкие команды. Ещё повисел в ночном воздухе тяжёлый топот многострадальной пехоты, но это было последнее, и оно быстро исчезло, растворилось, улетев куда-то в небо.

Звёзды были крупные, как яблоки. «Это очень хорошо, что погода ясная. Целиться легче», — отметил Николай.

Он, не отрываясь, смотрел на светлую ленту шоссе и жалел только об одном: не удалось сделать ни одного пристрелочного выстрела. Впрочем, он, ещё когда шли прошлой ночью, считал шаги. Привычка такая, да и не заснёшь ненароком, помогает. Так что помнил: от рощицы до моста ровно две тысячи шагов, это полтора километра, плюс ещё накинуть надо метров четыреста, если целить в головной танк...

Небо на востоке, в той стороне, куда ушла родная дивизия, быстро розовело. Начинался двадцать шестой день вой-

ны. Было на удивление тихо. «Как странно, – подумал Николай. – Петухи не кричат, коровы не мычат, словно вымерло всё на этой земле...»

Тихо было недолго. Сначала сороками застрекотали мотоциклетки. И сразу же их перекрыл шмелиный гул танковых моторов. Он нарастал, и Сиротинин почувствовал, как стала подрагивать земля под ногами. Или показалось? Николай открыл сразу три лотка: бронебойные и осколочно-фугасные снаряды перетащил поближе, картечь оставил в нише.

А-а, вот они и показались! Сразу как-то радостно вздохнул полной грудью: давайте, фрицы, посмотрим, кто сегодня победит!

Пока бесконечная колонна фашистских танков ползла отсчитанные полтора километра до речушки, Николай успел зарядить пушку, установить прицел на ближний съезд с моста. Там уже катились медленно два мотоцикла, боевой дозор – но это не его цель. Его цель – танки. На, передний, полчай!

Дёрнул за шнур, и сам мгновенно оглох от выстрела. Уши заложило, голову сдавило, мир погас. И посреди этой временной темноты и звенящей тишины – вдруг яркая вспышка в прорези щитка. Попал! Да как! 76-миллиметровый снаряд «полковушки» прошил броню немецкого танка и взорвался внутри, от детонации рванули фрицевские снаряды, башню снесло и выбросило прямо на дорогу, на мотоциклистов. Вот это удача!

– Ай да Коля-Николай, сиди дома не гуляй! – пропел Сиротинин, крутя маховик прицела. Теперь нужно срочно «поухаживать» за тем танком, который в конце колонны. А танки встали в недоумении: кто это и откуда такой огонь ведёт? Сейчас мы им всё разъясним, всё покажем! Расстояние тысяча-девятьсот, бронебойным – огонь! Еще снаряд!..

Прошло всего минут пять боя, а у него уже две подбитые машины и полная паника в фашистской колонне. Два средних танка пытаются подцепить того, что горит на выезде с моста, устроив гигантский затор. Вот тут уже можно осколочно-фугасный послать: ну-ка, распишитесь в получении! И ещё осколочным и картечью по тем мотоциклистам, что в живых остались и теперь в кювете решают, как к оружейной позиции Коли подобраться. А ещё парочку снарядов – по тем танкам, что на мосту остановились. Вот так! Вот так!..

Два бронетранспортёра решили вброд перейти речушку по обе стороны моста, один застрял в болотине, другой Коля подбил уже на своём берегу.

Почти каждый второй его снаряд находил свою цель. Но долго так продолжаться не могло. С тех танков, что не дошли до моста, немцы высчитали огневую позицию Сиротинина и открыли по ней ураганный огонь.

Первый немецкий снаряд разорвался в двадцати метрах ниже пушки, второй – метрах в тридцати сзади. «Следующий будет мой!» Старший сержант ящерицей юркнул в блиндаж. Едва успел. Сзади рвануло, осколки градом защёл-

кали по бревенчатому накату. «Дзякую, маці, за сарай! – пустая слова, поблагодарил крестьянку. – Живой я, стало быть, ещё повоюем. Рано они посчитали меня побеждённым...»

Пошёл по траншее к пушке. Прицел разбит. Сдвинул чуть станину – как раз прямая наводка через ствол. И расстояние выверено. Так что бронебойным, три снаряда – огонь!

Все три попали в гущу танков, что, пятясь, пытались свернуть с шоссе, отойти назад, тесня напиравшие оттуда всё новые машины. Их было много, непередаваемо много, несколько десятков. И уже с десятков, если считать и бронетранспортёры, чадно горели. Густой дым временами закрывал Колину позицию, и тогда ответный огонь по нему становился тише, давая возможность подтащить из блиндажа новые снарядные ящики.

Выстрел! Ещё выстрел! Ещё!..

Это чем так пахнет? А-а, это краска на стволе орудия пузырится, горит. Это что колокольчиками позванивает? А-а, это пули по щитку так мелодично щёлкают! Подобрались-таки, гады, к позиции, ползут на холм вражеские автоматчики. Сверху их видно Коле, через прорезь щитка стреляет он из винтовки. Щёлк – обойма отскочила. Вторая – ещё двоих уложил. Третья – это последняя, Коля! А они уже рядом, уже в рост, уже кричат:

– Рус, сдавайс!

Ещё два раза успел выстрелить, двух фрицев уложить. И – всё...

Потом фашисты подсчитают свои потери. За два с половиной часа боя они потеряли одиннадцать танков, семь бронемашин, около шестидесяти солдат и офицеров. Шла к Москве целая танковая дивизия, и её остановил один-единственный русский солдат. Не было такого случая во всей истории Великой Отечественной войны. Никто и никогда не смог повторить подвиг Николая Сиротинина. Не победили его фашисты. Погиб герой непобеждённым.

Спустя лет двадцать после войны об этом подвиге будут не раз писать многие советские издания. И станут ссылаться на запись, найденную в дневнике обер-лейтенанта 4-й танковой дивизии Фридриха Хенфельда: «17 июля 1941 года. Сокольники, близ Кричева. Вечером хоронили неизвестного русского солдата. Он один стоял у пушки, долго расстреливал колонну танков и пехоту, так и погиб. Все удивлялись его храбрости... Полковник перед могилой говорил, что если бы все солдаты фюрера дрались, как этот русский, то завоевали бы весь мир. Три раза стреляли из винтовок. Всё-таки он русский, нужно ли такое преклонение?»

К очередному юбилею Победы снова вспомнят о беспримерном подвиге. И отыщутся свидетели, появятся новые подробности...

Во второй половине дня немцы собрались у места, где

стояла разбитая пушка, валялись пустые ящики из-под снарядов и десятки стреляных гильз. Туда же согнали и местных жителей. Полковник, действительно, говорил, что каждый солдат должен защищать свою родину – фатерлянд. Как этот русский. Потом из кармана гимнастерки убитого русского солдата достали медальон с запиской – кто да откуда. Главный немец отдал его женщине в синей косынке, что-то сказал, переводчик разъяснил: «Возьми и напиши родным. Пусть мать знает, каким героем был её сын и как он погиб».

Похоронят немцы Сиротинина на холме. Полковник приказал дать над могилой трехкратный залп. В знак уважения к солдатской доблести и храбрости. Потом, кстати, придут другие немцы и сожгут дотла деревню Сокольничи за связь её жителей с партизанами. А в соседнем городе Кричеве устроят гетто и расстреляют несколько сотен местных еврейских семей.

После войны Николая Владимировича Сиротинина посмертно наградят орденом Отечественной войны I степени. Родные и белорусские краеведы ходатайствовали о представлении его к званию Героя. Только всё напрасно: для оформления таких документов обязательно нужна хоть какая-то фотография. А её у Коли ни одной не оказалось...

Еликанида и Анна

Киноповесть

Глава 1. Страшный сон

Ночью Еликаниде приснился всё тот же страшный сон, что мучил её который год. Ей двадцати ещё не было, она тогда помогала отцу в зимней работе – всем семейством строили лодки. За деревней река делает поворот и катится с шумом вниз. Перекаты эти от деревни Кашки не видны. Лодки внизу бьются об камни, всё дно ниже по течению Чусовой усеяно осколками и железными чушками. Здесь главный путь лежал ещё с демидовских времён, по реке на лодках металл сплавляли. А металл, он везде нужен.

Гружёные лодки потонут, а прогонщики выберутся на берег да в новые, покупные садятся – иначе до города не добраться. Платили хорошо, по сорок рублей за лодку. Вся деревня этим занималась. За зиму тятя, бывало, по две лодки собирал. Апрель иль май уже, сплав вот-вот пойдёт, он день и ночь на берегу, днища смолит. Ну и они, пятеро детей, тоже участвовали.

Сначала надо было поднять наверх брёвна. Они неслись по реке, некоторые прибывало к берегу, и, застряв в затоне,

они дожидались мастера. Брёвна были ничьи, так считалось испокон веков: всё, что река приносит, принадлежит тому, кто первый из воды достанет.

Закатить наверх непросто. Тяжёлое бревно крутилось, грозило уйти обратно в осеннюю воду, и нужно было вытащить его на берег и сразу же ошкурить. Потом пусть сохнет, а раз ошкурил – значит, застолбил, никто в деревне никогда не позарится, это уже твоё.

Как подсохнет, тащить. Да подстраховывать верёвкой сверху, с обоих концов, чтобы не перекосилось, не сорвалось. Колышки подставлять, наготове ещё колья держать, подбивая их на передыхе. И тянуть на раз-два. Катить что есть сил, не переставая. Мать сверху на верёвках, отец у колья, ребятня – с боков. Тут без помочи не осилить. А она старшая, невеста уже.

Свадьбу сыграли на святцы. Гриша Гилёв сильно ейглянулся. Когда посватался, счастлива была. Да и потом, до весны, до тепла каждое утро просыпалась с радостной улыбкой: «Какая же я счастливая!» То были светлые, цветные сны. А другой, страшный – он позже появился.

В ту весну вода была большая, а сплав почему-то всё не шёл. Готовые лодки качались на привязи у самого берега или сохли, перевёрнутые, на берегу. Они с Гришей начали ставить свой дом, когда нарочный с железки прискакал, рассказал, что война кругом идёт: одни за красных, другие за белых. В деревне не видали ни тех, ни других до июля.

Первыми в Кашку пришли белые. В отряде было человек двадцать, все конные, пеших двое. Расположились по избам, в основном на Нижней и Средней улицах. Утром собрали всех мужиков на поляне у реки, и офицер с красивыми усиками объявил, что двое из деревни должны пойти с ними добровольно, а четырёх лошадей они забирают до полной победы над большевиками.

С лошадьми решили быстро: у кого было по две на дворе, взяли одну вместе со сбруей, вывели молча, не слушая никого и ни с кем не споря. С добровольцами решали дотемна, ругаясь и тыча пальцами друг в друга, пока не вмешался красивый офицер с усиками. Тем, у кого трое сыновей, приказано было привести старшего. Таких как раз двое и оказалось: Корюков Степан с Нижней да Николай Сколов со Средней улицы. Наутро весь отряд ушёл из деревни. Ни Степана, ни Николеньку – лучших женихов в деревне – никто больше никогда не видел.

Белые ещё появлялись в деревне, но уже без ночевой. Слух прошёл, что они прочно встали в оборону на железнодорожной станции, а это пятнадцать вёрст от Кашки.

Красные пришли по берегу Чусовой. Их было около полусотни, многие в полосатых рубашках и чёрных плоских кепках с узкими лентами. Устроились на ночёвку в домах у самого леса. Командир отряда с пятью матросами выбрали избу повыше и побогаче. Из окон дома Гаврилы Ячменёва вся деревня была как на ладони. Сам Гаврила лодок не строил,

держал пчёл, с них имел достаток, ссужал всех деньгами, не зверствуя, и за то был уважаем настолько, что звали его не иначе, как Ганя.

Ночью пальба началась со всех сторон. Белые носились по деревне на конях, стреляя во всё, что движется. Красные, те, что ближе к лесу ночевали, отстреливаясь, скрылись в чаще. А те, что в Ганином доме были, оказались в западне. Они пытались уйти огородом, но в темноте их было прекрасно видно – в исподнем же все. Все в картофельной ботве и полегли.

Убитых перенесли под окна дома Ячменёвых, положили в ряд. Один из моряков был только ранен, но лежал не шевелясь. И если бы не муха, севшая на босу ногу, он, может быть, остался бы жив. Белые заметили, как у одного из «мертвецов» дёрнулась нога. Подполковник с золотыми погонами наставил на него винтовку со штыком и сказал:

– Коли живой, вставай, а то заколю!

Раненый встал – и лучше бы он не делал этого: то, что над ним учинили, было страшнее смерти. Подполковник приказал всем жителям деревни смотреть, как его пытаются.

Вот это и не может забыть Еликанида. С тех пор этот страшный сон регулярно является ей, а к перемене погоды – уж обязательно.

Убитых моряков похоронили на ровной площадке крутого берега Чусовой. Могилу копали деревенские мужики по приказу подполковника. Потом белые ушли, пришли крас-

ные. Подойдя к околице, они начали стрелять из пулемётов вдоль улиц. Пули залетали в дома, и тятя сказал всем залезть в подполье.

Красные первым делом спросили, где дом Гаврилы. А в деревне было несколько мужиков с таким именем, и им указали совсем на другой дом, не Ганин. Этот дом красные подожгли со всех сторон и ушли. А через несколько дней приехали на двух тачанках строгие комиссары и начали разбор. Допрашивали всех. Арестовали многих мужиков. Гришу её и тятю тоже забрали, больше она их не видела...

Потом очень тяжело было. Как и всем. Еликанида родила мальчика, но в следующий год случился дикий неурожай, зима была лютой и голодной, первенца не уберегла.

Позже началась коллективизация, и снова всех собирали на поляне. Объясняли, как будет хорошо, когда всё станет общее. Проголосовали – вся деревня против. Просто молча – против. Снова уполномоченные говорили про светлое будущее. Просили высказаться для протокола. Кое-кто выступил. Снова голосовали, и снова все – против колхоза. Тогда уполномоченные уехали, а на завтра вернулись с солдатами и всех выступавших вчера арестовали как саботажников и подстрекателей.

Через неделю опять собрали собрание. И снова все жители проголосовали против нового строя. Через день забрали оставшихся мужиков. Вся деревня провожала подводы с арестованными до околицы. А на следующее собрание не

пришёл ни один человек. Ни один. Деревня словно вымерла. Оставили Кашку в покое, но без мужиков она стала быстро хиреть.

До войны ещё раз собирали всех. Приехал выездной суд для пересмотра дела, привезли из тюрьмы тех, кто могилу для матросов копал. И надо же такому случиться – один из осуждённых узнал в судье белогвардейского подполковника, который командовал расправой. Судью тут же арестовали, а того кашкинца освободили. Повезло.

Еликаниде на суде стало плохо, потеряла сознание. А тот страшный сон стал сниться регулярно. К холоду – обязательно.

Глава 2. Смена караула

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.